

В. Н. УСОСКИЙ
*Кандидат экономических наук,
докторант Института экономики НАН Беларуси*

УРОВЕНЬ ВВП 1990 года: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ АБСУРД?

На фоне достигнутых успехов в росте натуральных объемов производства власти ставят задачу достижения в 2000 г. уровня ВВП 1990 г. Этот год избран не случайно. Именно тогда БССР согласно официальной статистике достигла в последний раз положительного годового прироста ВВП, после чего началось его стремительное падение. Насколько реалистичны поставленные перед экономикой Беларуси цели, сможет ли она достичь их и тем самым оказать влияние на будущие президентские выборы?

В любом деле в первую очередь необходимо “нарезать” задачу. В экономике важно ставить только реалистичные цели, потому что эффективность ее развития основывается на корректной постановке целей, выработанных государством. Вторым важным шагом является создание государством условий и механизмов их достижения в соответствии с поставленными целями. Постановка рациональных и реально достижимых целей экономического развития является важным условием построения эффективной экономики и достижения высокого уровня управляемости.

Выдвинув целевую установку о выходе в 2000 г. на уровень ВВП 1990 г., власти хотят показать реальный результат своей деятельности. Поставленная властями цель предполагает, что для них экономика БССР и СССР является образцом для подражания сегодня. Отражают ли эти установки реальное состояние вещей, стоит ли к этому стремиться и что случится, если мы их достигнем?

БССР в составе СССР и Республика Беларусь как самостоятельное государство – это две большие разницы. Условия, в рамках которых они развивались, принципиально различаются. Экономика БССР была “вложена” в единый народнохозяйственный комплекс СССР и самостоятельной величиной никогда не являлась. Она развивалась в тех условиях и на нее распространялись те ограничения, которые наложил на нее “союзный” центр. Несмотря на звон победных фанфар, низкая эффективность экономики СССР отражалась в динамике ряда ключевых показателей. Фондоотдача в 1987 г. упала относительно уровня 1960 г. в промышленности на 38 %, в сельском хозяйстве и строительстве – на 72 %. За тот же период времени при росте на-

ционального дохода (НД) в 4 раза в 5 раз выросли материальные затраты. Однако экономика СССР имела один серьезный резерв – механизм ресурсной компенсации низкого уровня эффективности. В соответствии с законами его действия привлечение дополнительных материальных, энергетических и трудовых ресурсов позволяло компенсировать превышение затрат выпускаемой в СССР продукции над ее результатами. Ключевым фактором в механизме ресурсной компенсации являлся сырьевой экспорт на мировые рынки. Он перекрывал низкую эффективность внутреннего производства в условиях резко возросшего спроса развитых стран мира на сырье в период структурной перестройки своих экономик. Вот беспристрастные цифры: в торговле с развитыми странами в 70-е гг. произошел 15-кратный скачок цен на нефть. Это позволило в период 1974-1984 гг. получить от продажи нефти 260 млрд USD. Тем не менее, согласно альтернативным оценкам в 1976-1980 гг., годовые темпы роста НД в СССР упали до 0,1 %, потом стали нулевыми, а со второй половины 80-х гг. отрицательными.

С 1985 г. начала проявляться тенденция к падению цен на нефть, и условия экономического развития СССР резко изменились. Огромная масса нефтедолларов не была эффективно использована для структурной перестройки экономики, они были бездарно потрачены, а благополучие улетучилось, как мираж. “Процветание” экономики БССР основывалось на том, что цены на продукцию обрабатывающей промышленности, потребляемую внутри СССР, были завышены, а цены на ввозимые в БССР энергоносители занижены относительно реального рыночного уровня. Поэтому БССР имела положительный внешнеторговый баланс с республиками СССР и внешнее благополучие. Но все мгновенно встало на свои места, и наступил час истины после гайдаровского ценового шока и выхода цен на уровень рыночного равновесия в 1992 г. Реальность оказалась сильнее наших иллюзий и грез. С 1992 г. рынок доказывает низкую результативность экономики Беларуси по отношению к объему “перемалываемых” ею ресурсов. Даже учитывая все невидимые статьи реального экспорта и мнимые статьи импорта (реально, реэкспорта), платежный баланс Беларуси все равно имеет громадное отрицательное сальдо. Это доказывает стремительная девальвация BRB. Истина проста: мы потребляем больше, чем производим. Отсюда недалеко и до стержневого вопроса в отношении экономики РБ: а производит ли она добавленную стоимость?

Условия функционирования экономики РБ изменились кардинальным образом. В Беларуси механизм ресурсной компенсации не работает по ряду причин. Во-первых, мы существуем уже в иной, чем СССР, системе рыночных координат малой открытой экономики, которая должна зарабатывать валюту посредством эффективной внешней торговли. СССР мог позволить себе долго перемалывать невоспроизводимые природные ресурсы и тем са-

мым поддерживать перераспределение подавляющей части ВВП внутри страны. В РБ ситуация диаметрально противоположная. Во-вторых, селекционные механизмы внешней торговли уже исключили из работы в легальном секторе экономики 1 млн работников, которые перешли в нелегальный сектор. 25-30 % формально занятых являются частично безработными из-за недогрузки предприятий, 106 тыс. человек стали официально безработными. Это говорит о том, что мы находимся в жестких координатах спросоограниченного рынка образца 1992-1998 гг. Экономика же БССР образца 1990 г. отличалась дефицитом всех видов ресурсов, чего сейчас нет, так как работу предприятиям дает иностранный покупатель, а не Хозяин. В-третьих, в Беларуси отсутствуют экспортные природные ресурсы и производимая нами военная продукция, которые являются валютным товаром. В-четвертых, экономика Беларуси 1992-1998 гг. тем и отличается от экономики БССР, что в ней отсутствуют старые директивные ценовые пропорции на ввозимые и вывозимые товары. Исчез тот чрезвычайно удобный "внутрисоюзный междусобойчик", в котором не было ни рыночных цен, ни реальных критериев оценки эффективности экономики БССР, а поэтому могло существовать показное благополучие и мифы о нем для наивных людей.

Экспорт экспорту рознь. СССР осуществлял эффективный экспорт на мировые рынки и продавал там валютный товар. Беларусь же с конца 1994 года начала решительно сокращать свой валютный экспорт в страны дальнего зарубежья и увеличивать неденежный эрзац-экспорт в Россию. Рост бартерной составляющей экспорта имеет прямой результат: сокращение оборачиваемости средств, уменьшение валютной составляющей "оборотки", замена ликвидных денежных потоков громоздкими материальными и усложнение контроля за движением входящих и выходящих потоков средств предприятий. Итог бартеризации – резкое падение управляемости предприятий со стороны директоров и всей экономикой со стороны государства.

Что касается экономического роста образца 1996-1998 гг., то мы несколько не ставим под сомнение рост объемов натурального выпуска: они налицо. Однако в оценке стоимостной стороны ВВП есть масса проблем. Ценностная составляющая ВВП существенно искажается директивным контролем над ценами и валютным курсом, поэтому официальные оценки недостоверны. Если же оценить стоимостный рост ВВП через рыночный курс USD, то спред между формальным и реальным курсами USD ставит все на свои места. Официальные стоимостные темпы роста исчезают. Кроме того, наша статистика идет к высотам 1990 г. по проторенной дорожке советских времен, фальсифицируя макроэкономические показатели. Методология та же, что и в 30-е годы – систематический ежегодный пересчет уже достигнутых показателей. Цель – снижение статистической базы показателей, по которой уже раз отчитались, для того чтобы легче было повышать в текущем

году темпы роста экономики. Такой фокус повторяется ежегодно и помогает “рисовать” мифические темпы роста стоимости ВВП.

Темпы роста натуральных объемов выпуска не существуют сами по себе в каком-то безвоздушном пространстве. Они всегда имеют меру и оптимальность, обусловлены закономерностями экономики, теми реальными условиями и ограничениями, в которых она находится. Определенный порядок, строй экономических отношений налагает на возможности роста натурального выпуска свою жесткую норму. Он напрямую связан с народнохозяйственными пропорциями и вне связи с ними в длинном периоде времени исчезает.

Со времен плановой экономики темпы прироста ВВП, стоимости продукции отраслей экономики и т. д. стали претендовать не просто на экономическое значение. Этим показателям стал придаваться некий глобальный политико-идеологический смысл. Сегодня мы опять начали возвращаться в старые добрые времена традиций экстенсивного хозяйствования, когда все силы были брошены на увеличение арифметических темпов роста производства. Мы имеем горький опыт повышения темпов роста валовых объемов путем административного давления. Темпы роста натурального выпуска, вступающих в конфронтацию с объективными законами экономики, после проведения этих кампаний резко падают. Бешеная гонка за темпами роста в 70-90 % в 1928-1932 гг. привела к обвалу НД СССР на 15-20 % из-за нарушения рыночного равновесия. Они, в том числе, ведут к тотальному искажению экономической информации и дезориентируют как власти, так и общество. И за гонку темпов, и за их искажение скоро придется платить сполна. Выставленный счет уже не за горами.

Сами по себе темпы роста валовых стоимостных показателей мало что говорят о реалиях экономического развития ввиду постоянных изменений в структуре выпускаемой продукции. Динамика натурального выпуска ВВП может не соответствовать его ценностной составляющей, отражающей изменения натурального показателя, лишь в рамках короткого периода времени. В течение длинного периода времени закон взаимного соответствия денежных и натуральных показателей друг другу действует неукоснительно. В соответствии с законами поиска равновесия на рынке через приспособление спроса и предложения товаров и денег оптимальность товарной и денежной масс находится принудительно силами рынка, несмотря ни на какие административные ограничения. Закон ценности принуждает всех к установлению равновесия на рынке через рыночные цены и курс. Начиная с января 1996 г. история периодического обвала товарных и финансовых рынков дает неотразимый ответ рынка на игру государства в ревальвацию BRB и сдерживание цен. Административный зажим государством товарных цен и курса “зайца”, который начал практиковаться четыре года назад, в длинный период времени

бесперспективен, так как он ведет к отрыву “рисованных” цен и курса от реальных. Посредством встряски рынок заставляет считаться с собой. Беларусь еще раз доказала очевидную для бюрократизированной экономики истину: прирост валовых объемов натурального выпуска сам по себе не ведет к росту благосостояния граждан и не означает эффективного использования ресурсов. Нарращивание валовых объемов производства без учета рыночной ценовой составляющей этого “вала” подрывает равновесие экономики. При низких ценах никакой рост объемов натурального выпуска не насыщает рынок, так как продукции всегда будет не просто мало, а очень мало. Это прямой путь к нарушению основных балансовых пропорций рынка и подрыв экономики предприятий, у которых исчезают оборотные средства. Поэтому гонка в 1990 г. абсурдна.

Но даже если допустить невозможное, что к 2000 г. наша экономика достигнет уровня 1990 г., то это приведет только к радикальному ухудшению экологической среды, хроническому износу основных производственных фондов, повышению уровня затратоемкости ВВП и масштабному внешнему долгу перед РФ. Иллюзии политических абстракций, крайне далеких от реальной экономики, – вот источник тех целей, которые ставят перед экономикой.

Что касается реальных целей, которые стучатся в дверь экономики. Власти недооценивают влияния структурных сдвигов, происходящих за пределами Беларуси. Нашей экономике, как воздух, необходима структурная перестройка, качественное обновление основных производственных фондов, что никак не соответствует целям достижения высоких темпов роста. Введение новых производственных фондов, качественно новых технологий и вывод устаревших фондов из производства способны снизить высокую энерго- и затратоемкость ВВП. Происходящее прогрессивное старение основных фондов, использование изношенного оборудования ведет не только к увеличению роста затрат, но и раздувает сферу капитального ремонта. Сейчас надо остановиться и подумать, разумно ли разгонять маховик на полную мощность, в то время как необходимо менять двигатель?

Экономика Беларуси может жить только за счет высоких темпов наращивания экспорта, реализуемого за инвалюту. Тот эрзац-экспорт, который покрывается встречными бартерными поставками, а не валютной выручкой, не может служить источником обновления основного капитала. За счет бартера можно только латать постоянно образующиеся “дыры” в текущей деятельности предприятий и государства. Законы малой открытой экономики диктуют Беларуси экспортную валютную ориентацию, чтобы безнадежно не отстать от всех, и тут опыт СССР только помеха. Из-за дефицита валюты коренной технологической перестройки экономики в ближайшее время РБ не может себе позволить. Конечно, систематическое “латание” дыр – не самая дальновидная и перспективная политика. Однако инвестирование боль-

ших объемов валютных ресурсов в масштабные, но не дающие скорой отдачи инвестиционные проекты, да к тому же связанные с высоким уровнем риска, нам сейчас не по карману. Тем более, что экономика движется к ложным целям.

Проводившаяся в течение трех лет экономическая политика в основе своей опиралась на эмиссию денег вне связи с рентабельностью проектов предприятий и покрывала популизм социальных программ. Государство подхлестнуло необоснованные ожидания населения на рост уровня жизни, что подкреплялось ссылками на невиданный экономический рост. Тем самым маховик инфляции и девальвации “зайчика” достаточно раскручен, инфляционные ожидания приобрели сильное ускорение, экономика вошла в состояние самогенерирования высокой инфляции. Государство, разогнав этот процесс, вынуждено будет увеличивать эмиссию, других источников удовлетворить ожидания всех и каждого оно просто не имеет. Мы стоим на пути к гиперинфляции, и ее главный механизм – спираль “цены-доходы” – уже запущен.

Через инфляционные воли – вот, что ждет нас в ближайшие годы.

Наступает пора расплаты за иррациональную экономическую политику государства, основанную на безоглядном популизме и ошибочной стратегии. Экономика Беларуси попала в “капкан”, который поставили ей нереалистичные цели политики. Время старательно было потрачено на то, чтобы сохранить низкий КПД экономики Беларуси, а он быстро не увеличивается. В экономике с помощью “отчетной мифологии” серьезно нарушены основные народнохозяйственные пропорции между натуральным выпуском и стоимостной оценкой, между фондами потребления и накопления, между совокупными доходами и расходами, спросом и предложением.

Не о каких-то мифических темпах роста экономики надо сейчас говорить, а о том, как остановить грозную лавину гиперинфляции и девальвации. Перед экономикой, в действительности, стоят другие, не придуманные в кабинетах, а реальные цели, которые государство вынуждено будет поставить. Долгосрочная цель – обновление основного капитала, улучшение менеджмента как необходимое условие “здорового” экономического развития, базирующегося на росте инвалютной составляющей ВВП. Без этого инфляция неустранима. Но никакое обновление фондов не даст прироста эффективности экономики без созидания рыночного механизма повышения результативности производства. Доля фонда накопления в ВВП Беларуси и так очень велика по сравнению с аналогичными показателями развитых стран. Однако это не дает само по себе роста эффективности экономики, как и рост ВВП в Беларуси не ведет к росту благосостояния граждан. Краткосрочная и среднесрочная цели – подавление инфляции и девальвации, сбалансированность народнохозяйственных пропорций. Сейчас это вопрос №1.

Экономическое развитие в СССР и БССР проходило в принципиально других экономических условиях, диаметрально противоположных тем условиям, в которых сейчас развивается экономика Беларуси. Еще и поэтому цель “бега к 1990 г.” абсолютно нереальна. Необходимо ясно осознать одну азбучную истину: без учета реальных условий и ограничений “бег в 1990 г.” – опасный абсурд.